
ПУСТАЯ
Alu Laarni

Alu Laarni

Пустая

«Автор»
2026

Laarni A.

Пустая / A. Laarni — «Автор», 2026

Варвара Соколова умеет находить ошибки. Но в мире, куда она попала, ошибки не исправляют — на них строят законы.Пять магических Домов веками поддерживают равновесие с помощью Договора. Людей здесь можно связать печатью, передать другому Дому или вычеркнуть из записей. Варвара видит то, что скрыто в этих правилах: ложные утверждения, пропущенные имена и лазейки, которые никто не должен был обнаружить. Поэтому для одних она — спасение. Для других — угроза, которую нужно запереть.Кириан обещает ей защиту, но сам связан договором, о котором предпочёл бы молчать. Чем ближе Варвара к разгадке, тем яснее: чтобы выжить и сохранить тех, кто стал ей дорог, недостаточно нарушить правила.Придётся написать новые.

© Laarni A., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Круг 5
Глава вторая. Дом, в котором не подают воды 14
Глава третья. Имена вещей 21
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Alu Laarni
Пустая

Глава первая. Круг

Первым вернулся вкус — медь и песок. В детстве Варвара лизнула батарейку на спор; такой же привкус держался потом до вечера. Вот это она помнила. Как оказалась на каменном полу — нет.

Камень был холодный и настоящий. Она провела ладонью и ощутила, как тёплые крошки пепла впиваются в кожу, как неровная, будто оплавленная поверхность царапает подушечки пальцев.

— Так, — сказала она вслух, и голос вышел хриплый, чужой, будто говорил кто-то другой, стоявший очень близко. — Так. Стоп. Стоп-стоп.

Она села, и мир качнулся, но не рассыпался, что было почти оскорбительно: в такой ситуации он обязан был рассыпаться.

Вокруг был не зал — каркас зала. Стены из тёмного камня, обломки колонн, провалившийся купол, в дыре которого висели звёзды. Варвара знала звёзды не как астроном, а как человек, который семь лет подряд возвращается домой за полночь и смотрит вверх, пока греется чайник. Она знала Ковш, знала, где он должен стоять в конце октября, — и минуту искала его в этом слишком щедром, слишком близком небе, а потом перестала искать, потому что не нашла ни одного знакомого рисунка. Только чужие россыпи, крупные и яркие, будто кто-то подвесил их на расстоянии вытянутой руки.

— Хорошо, — сказала она. — Это сон. Очень подробный сон.

Она ущипнула себя за предплечье — честно, до слёз, — и сон не рассыпался. Тогда она сделала то, что делают программисты, когда всё сломалось и паника ещё не получила права голоса: начала составлять список. Известно: я лежу на камне в помещении без крыши, холодно, пахнет горелым, небо не то. Неизвестно: всё остальное.

Рука сама нырнула в карман за телефоном, как за спасательным кругом, и круг нашёлся. Экран загорелся, резанул по глазам: 03:47, батарея — сорок один процент, в правом верхнем углу перечёркнутая антенна.

Она смотрела на эту антенну секунд десять, и именно она, а не чужое небо, испугала её по-настоящему. Небо можно было списать на что угодно — на усталость, на слишком длинный день, на то, что она в последний раз ела в четыре. А вот на то, что у неё нет сети, не было ни одного разумного объяснения.

— Ладно, — сказала Варвара, поднимаясь. Колени дрожали, и это было унизительно. — Ладно.

И вот тогда она увидела круг.

Он был выжжен в камне — не нарисован, а вплавлен, с бороздами в палец глубиной, по которым можно было провести рукой и почувствовать, как камень пошёл волной, как воск. Круг опоясывал её, шагов шесть в поперечнике, и у самых её ног лежал серый пепел, растёртый в пыль, мягкий и тёплый, как остывающая зола в камине.

В пыли были следы. Её следы: ботинки, сороковой размер, протектор с характерным ромбиком — у неё были такие кроссовки, купленные в феврале, на распродаже, по дороге домой с работы. Отпечатки шли по кругу, один за другим, ровно, будто человек ходил по этому пеплу очень долго. Часами. Слой был истоптан так, как истаптывают ковёр в коридоре за зиму.

Варвара посмотрела на свои ноги. Кроссовки были на ней, подошва стёртая, но чистая.

В горле стало тесно. Она сглотнула и заставила себя дышать медленно, по счёту, как учили в приложении, которое она скачала в тот месяц, когда брат… не здесь. Не сейчас. Она обошла зал по краю, стараясь не наступать больше на пепел, и нашла в стене нишу, а в нише — обломки чего-то, что когда-то было большим и плоским. Осколок размером с ладонь лежал сверху, толстый, с зеленоватой патиной по краю, и в нём отражалась дыра в куполе, звёзды и краешек её плеча.

Она не знала, зачем взяла его. Просто рука потянулась сама, и осколок скользнул в карман куртки, к телефону. Он был тёплый, как будто его только что держали в ладонях.

И тогда за стеной послышались шаги.

Много шагов, тяжёлых, синхронных, и лязг — металл о камень, ритмично, как ходят люди, у которых на боку висит что-то весомое. Варвара вжалась щекой в холодный камень колонны, и в этот момент низкий, спокойный, откровенно скучающий голос произнёс по-русски:

— Она здесь. Печать ещё тёплая.

Пауза. Потом другой голос, гнусавый:

— Имя?

И первый ответил.

Он назвал её имя. Не «женщина», не «чужачка», не «Пустая» — это слово она услышит через минуту. Он произнёс: Варвара Соколова. С неправильным ударением, на «ва-ар», так, как читают с листа, когда имя выучено наизусть и всё равно не своё.

У неё пересохло во рту настолько, что она не смогла бы закричать, даже если бы очень захотела.

Их было четверо.

Варвара видела их сквозь щель между колоннами, из бокового перехода, куда успела отползти. Внизу, в зале, двигались четыре фигуры в плащах, и в свете факелов — настоящих факелов, с чадящим пламенем и запахом смолы, — было отчётливо видно, что плащи не одинаковые. У двоих на плече красовался герб: круг, перечёркнутый молнией. У других двух — птица с распахнутыми крыльями, вышитая чёрной нитью по чёрному, так что её можно было различить только по блеску.

Две группы. Два хозяина.

Они стояли по разные стороны выжженного круга и смотрели друг на друга, а не на пепел.

— Находка на нашей земле, — сказал тот, с молнией. — По праву пепла.

— По праву пепла она принадлежит тому, кто дошёл первым, — отозвался птица. — А первым дошёл я, и ты это знаешь, Аскер.

— Ты дошёл до края круга и встал, боясь наступить.

— Я не боюсь.

— Тогда наступи.

Тишина. Молния не наступил.

Варвара вжалась в камень так, что заболели рёбра. Сердце колотилось у неё в горле, и ей казалось, что этот стук слышно в зале, что он выдаёт её с головой, как в дешёвых детективах, где героиня всегда дышит не вовремя. Только вот это происходило с ней, и слово «находка» было сказано про неё, и от этого не было ни смешно, ни занимательно — только холодно.

— Оба дураки, — сказал гнусавый. — Она уже встала. Смотри, пепел разворошён. И ушла.

— Куда ушла? — лениво поинтересовался Аскер. — Тут одна дверь.

— Пока одна.

Аскер поднял руку.

Варвара не сразу поняла, что он делает. Он просто поднял её, расслабленно, как отгоняют муху, и воздух в зале изменился. Не было ни вспышки, ни свечения, ни грома — только воздух

стал густым, как вода, и начал сжиматься. Первым делом он сжался в её укрытии, и у неё остановилось дыхание.

Она открыла рот и не смогла вдохнуть.

Не «стало страшно дышать» — а физически нечем. Будто на лицо положили мокрую подушку и держат, спокойно, без злобы, как придерживают неплотно закрытую дверь. По краям зрения поползло чёрное.

Вставай, — велела она себе, и мысль была злая и очень отчётливая, единственное, что осталось своего. — Вставай, дура. Ты не умрёшь в переходе.

Она рванулась вбок, и это её спасло: воздух сжимался снаружи внутрь, а за границей сжатия его осталось ровно на глоток. Варвара вдохнула с хрипом и сипом, и звук разлетелся по залу.

— Вот ты где, — сказал Аскер с удовольствием.

Она не думала. Это надо честно записать в протокол: она не думала ни секунды. Рядом стоял стеллаж — старый, из дерева и железа, метра три высотой, с какими-то склянками и мотками проволоки, — и она толкнула его всем телом. Стеллаж пошёл медленно, с чудовищным скрипом, а потом завалился, и внутри зала стало очень громко.

— Держи её!

Варвара уже бежала, вырывая из держателя факел; руку обожгло, она зашипела, но не выронила. Лестница — единственная дверь, единственный путь, и лестница всегда ведёт наружу, это основное правило любого здания, которое она знала. За спиной грохотало, кто-то кричал, воздух снова сжимался, но теперь она понимала, как это работает, и держалась у самой стены, где сжатие было слабее.

— Пустая! — орал гнусавый. — Стой, дура, ты не понимаешь, что ты!

Печать слабеет, говорили они. Если она откроет рот — мы все покойники.

Варвара бежала и злилась, а злость у неё всегда была быстрее страха. Меня нельзя похитить. Я семь лет не была в отпуске. Я заплатила ипотеку за октябрь.

Она вылетела на галерею — открытую, с арками вместо окон, — и там был дождь. Тёплый, летний, совершенно не октябрьский дождь, и за арками лежал город: черепица, шпили, огни в окнах, дым из труб, и всё это уходило вниз, к реке, и на другом берегу тоже горели окна. Высота не успела её напугать.

Она успела только почувствовать, что упёрлась спиной во что-то твёрдое.

Кто-то стоял у неё за спиной и всё это время не двигался.

Варвара развернулась, замахиваясь факелом.

Её перехватили за локоть — не грубо, просто остановили, как останавливают слишком резко закрывающуюся дверь. Перед ней стоял мужчина.

Первым она заметила неправильное: волосы. Белые. Не седые, не крашеные — белые, как бумага, и в свете факелов отливающие холодом; собранные в низкий хвост, мокрые от дождя. Вторым — глаза, светло-серые, почти прозрачные, и в них не было ничего: ни испуга, ни удивления, ни интереса. Так смотрят на погоду. Третьим — перчатки, чёрные, тонкие, по локоть, в такую погоду, в дождь.

Он был выше неё почти на голову, но стоял вполоборота, словно берёг правый бок. Узкое лицо, впадина под скулой; на нижней губе — трещина. Пока он смотрел поверх её плеча, Варвара успела заметить, как осторожно он втянул воздух. Не так спокоен, как хочет казаться. Или ему больно.

Он подержал её за локоть ещё секунду, потом отпустил — раньше, чем она успела возмутиться, — отступил на шаг и сложил руки за спиной.

— Факел погасите, — сказал он. — Вы им ничего не сделаете, а руку испортите.

Голос был низкий и ровный, без интонации, как у людей, которые давно решили, что интонации — роскошь.

Варвара не погасила.

— Кто вы?

— Не сейчас.

— Сейчас.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде впервые появилось что-то живое: раздражение, очень вежливое, хорошо воспитанное раздражение человека, у которого нет времени на объяснения.

— За вами идут четверо, — сказал он. — Двое из них умеют держать воздух. Если они поднимутся на галерею, вы умрёте в течение минуты, и я потрачу на это объяснение больше времени, чем у меня есть. Погасите факел и не мешайте.

И Варвара, к собственному стыду, погасила.

Она потом много думала, почему. Не из послушания — она вообще не была послушной. Просто впервые за эту ночь рядом оказался кто-то, кто не орал, не сжимал воздух и не называл её находкой, и от этого стало так легче, что тело сдалось раньше головы.

Шаги на лестнице. Аскер вышел на галерею первым, за ним — остальные трое, и все четверо остановились как вкопанные.

— Лорд Кириан, — сказал Аскер, и в его голосе что-то надломилось. — Мы не знали, что Дом Пепельных Ветров…

— Теперь знаете.

— Это наша земля.

— Это мой дом, — сказал Кириан всё тем же ровным голосом. — А ваша земля — в трёх днях пути отсюда. Я не помню, чтобы кого-нибудь приглашали сократить дорогу.

Молчание. Дождь стучал по камню, и где-то внизу, в городе, гавкала собака.

— Она Пустая, — сказал гнусавый, и это прозвучало почти жалобно. — Вы понимаете, что это значит. Её нельзя оставлять…

— Вы хотите обсудить это здесь? — Кириан чуть наклонил голову. — При ней?

Варвара увидела, как четверо переглянулись, и увидела то, чего ей не показали бы днём: как они боятся. Не её. Его — того, кто стоял спиной к дождю и даже не повысил голоса.

— Мы доложим, — сказал Аскер.

— Доложите.

— Это не закончится, — сказал он тише. — Вы знаете, что это не закончится.

— Я знаю, что вы уйдёте по лестнице, а не через парапет. Пока.

Они ушли. Гнусавый обернулся один раз, посмотрел на Варвару, и в этом взгляде было столько всего, что она запомнила его лицо: молодое, с длинным шрамом через губу. Так смотрят на человека, который уже мёртв, но ещё об этом не знает.

Галерея опустела.

Дождь шёл, и Кириан не двигался. Варвара стояла, прижавшись лопатками к холодной арке, и очень старалась, чтобы её не трясло.

— Теперь вопросы, — сказал он. — У вас их много, я вижу. Задайте три.

— Три?

— Больше я всё равно не отвечу, — он повернулся к ней, — и не на все три. Начните с тех, что важнее.

Варвара вытерла мокрое лицо. Она всегда думала, когда её прижимали к стене, — это было её единственное настоящее оружие, и она не собиралась отдавать его даром.

— Где я?

— Аэрлин. Пять Домов, пять печатей, одна река. Остальное вам расскажут без меня, потому что рассказывать это любят все.

— Почему за мной охотятся?

— Потому что вы Пустая.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть, — сказал он спокойно. — Вы не отдаёте магию. Вы её берёте. Таких не видели двести лет, и все, кто помнит, что это значит, сейчас пытаются решить, убить вас или использовать. Я, как видите, ещё не решил.

Она моргнула. В кои-то веки человек сказал прямо, что думает, — и от этой прямоты стало холоднее, чем от дождя.

— Третий вопрос, — напомнил он.

— Кто вы?

— Кириан. Наследник Дома Пепельных Ветров.

— Это должность, а не ответ.

— Это всё, что вы получите, — сказал он, и в голосе впервые мелькнуло что-то похожее на усталость. — Сейчас у вас есть выбор. Он не тот, который вам понравится, поэтому я скажу его честно, без украшений. — Он показал вниз, за парапет, где темнел город, потом в сторону лестницы. — Или вы идёте со мной. Или остаётесь здесь, и через час вас найдут те, кто боятся меня меньше, чем своих хозяев. Второе короче.

Варвара посмотрела на него — на белые волосы, на перчатки, на лицо, которое ничего не выражало, — и подумала, что за всю жизнь ей не предлагали менее привлекательной сделки и более честного предупреждения.

— Я пойду, — сказала она. — Но я не ваша. Запомните это.

Что-то дрогнуло в его лице. Совсем немного — уголок рта, на волосок; если бы она не смотрела так пристально, то не заметила бы.

— Я запомню, — сказал он. — Идёмте.

Он пошёл первым, она за ним, и на первой ступеньке поскользнулась на мокром камне и схватилась за его руку.

Кириан дёрнулся.

Не отшатнулся — дёрнулся, резко, всем телом, как от внезапной боли, и на мгновение между ними отчётливо запахло гарью: не дымом, не костром, а именно гарью, как от сгоревшей проводки в стене.

Варвара отдёрнула руку.

— Простите, я…

— Ничего. — Он уже взял себя в руки, и голос снова был ровным. — Держитесь за перила.

Она держалась за перила.

И всю дорогу вниз смотрела на его тень. Потому что свет на лестнице стоял ровно, масляные лампы горели в нишах через равные промежутки, всё было как надо, — но его тень отставала. Шла не с той стороны, где должна была идти. Тянулась чуть вперёд, на полшага, будто хотела идти сама.

А в кармане куртки осколок зеркала стал тёплым.

— Вас искали не за то, что вы сделали, — сказал Кириан, не оборачиваясь. — А за то, что вы есть.

— Объясните.

— Нет.

Ей дали комнату на третьем этаже.

Варвара обвела её взглядом за четыре секунды и всё поняла. Каменные стены, гобелены с выцветшими птицами, кровать под тяжёлым балдахином, окованный сундук, столик с кувшином. Всё добротное, старое, дорогое. И — ни одного окна.

По дороге через двор она видела окна в этом крыле. Теперь обошла комнату, отодвигая гобелены. За одним обнаружилась ниша: каменная полка на высоте пояса и над ней свежая кладка. На раствор ещё налипала пыль.

Варвара провела пальцем по полке. Подоконник. Настоящий — только окна над ним больше не было.

Она прижала к кирпичам ладонь. Из кладки шло слабое тепло, хотя комнату не топили.

— Уютно, — сказала она вслух, потому что тишина в этой комнате была слишком внимательной.

Дверь открылась, и вошли две женщины с кувшинами горячей воды. Старшая была невысокой, широкой в плечах; седая прядь выбилась из-под платка. Кувшин она держала через сложенное полотенце. Поставив его, сначала осмотрела пальцы младшей — не обожгла ли, — и только потом повернулась к Варваре. Молодая так и не подняла глаз.

— Госпожа, — сказала пожилая, — вам надо переодеться. В этом вы простынете.

— Я не простыну, у меня иммунитет, — сказала Варвара и села на кровать, потому что ноги окончательно отказались. — Как вас зовут?

— Меня Мара. А её Лин.

— Мара, где я?

Женщина поставила кувшин на столик, и вода в нём качнулась.

— В Доме Пепельных Ветров, госпожа.

— Это я уже слышала. В каком городе?

Мара помолчала, и пауза вышла длинной и неудобной, как чужая неловкость за столом.

— В Иль-Тарене.

— А Иль-Тарен — это где?

— В Аэрлине, — сказала Мара тихо, как говорят неприятное.

— Аэрлин — это город?

Пауза повторилась, только на этот раз в ней не было неловкости — было что-то другое, похожее на жалость.

— Аэрлин — это мир, госпожа.

Варвара сидела очень прямо и смотрела на своё отражение в кувшине, кривое и растянутое.

— Хорошо, — сказала она и услышала, что голос слушается плохо. — Хорошо. А где Россия?

Мара посмотрела на неё, и вот эта жалость была хуже всего, что случилось за ночь, потому что означала, что та не притворяется и не издевается, — что ответа нет вообще.

— Я не знаю такого места, — сказала она. — Может, на юге. На юге много земель.

— А Пустые? Вы знаете, что это?

Лин уронила тряпку.

Мара подобрала её, не глядя.

— Это то, чем детей пугают, — сказала она. — Пустая приходит и забирает. Говорят, двести лет их не видели. Говорят, они приходят, когда печати трескаются. — Она выпрямилась, и лицо у неё стало другое, жёсткое и очень человеческое. — Я вам это сказала, потому что вы не похожи на то, чем пугают. Но если в доме узнают, что вы Пустая, вам утром не подадут воды. Умывайтесь сами.

Дверь закрылась.

Варвара посидела минуту, а потом сделала то, чего не делала с двадцати трёх лет: сползла с кровати на пол, села, прижавшись спиной к сундуку, обняла колени и заплакала.

Не громко и не красиво. Так, как плачут, когда никто не видит, — с открытым ртом, беззвучно, трясясь. Потому что если это не сон, то её нет. Её нет в Москве. В понедельник она не выйдет на работу, и её хватятся через три дня, а потом заведут дело и через месяц закроют. У неё нет никого, кто звонил бы каждый вечер. Родители умерли. Брат умер. Есть коллеги, с которыми она дважды в год пьёт пиво, и есть соседка, которая забирает её посылки.

Всё. Вот и весь список людей, которые заметят, что Варвары Соколовой больше нет.

Она плакала минуты три, потом вытерла лицо рукавом и сказала в пустую комнату, хрипло и очень трезво:

— Жалость к себе — не стратегия.

И встала. Достала из кармана осколок — просто чтобы проверить, что он на месте и что хотя бы одна вещь в этом мире ведёт себя как положено, — и посмотрела в него.

Отражение было правильным. Усталое лицо, мокрые волосы, размазанная по скуле тушь.

А потом оно перестало быть правильным.

Отражение не моргнуло.

Варвара моргнула — и отражение осталось с открытыми глазами, спокойное, внимательное, и смотрело на неё из стекла, как смотрят из окна на улицу. По затылку поползло холодом; она не закричала, потому что не смогла. Отражение открыло рот и беззвучно, одними губами, сказало одно слово — короткое, на два слога, с мягким концом. Как имя. Она не разобрала.

Свеча погасла.

Не задуло и не кончился фитиль — просто в комнате стало темно, мгновенно, как если бы выключили свет в квартире.

И в темноте на стене проступила линия.

Тонкая, светящаяся, бледно-серая. Она шла от пола вверх, изгибалась, заворачивала за угол, и Варвара, поднявшись и пройдя вдоль стены, с ужасом увидела, что линия идёт по кругу, огибает всю комнату и замыкается сама на себя, и в этом светящемся круге стоят вещи: кровать, сундук, столик, кувшин.

И она.

Это была клетка, нарисованная печатью, и она держала её внутри.

Варвара подняла руку и коснулась линии пальцем.

Гарью.

Пальцы обожгло, она отдёрнула руку, и линия на секунду вспыхнула ярче — и в этом свете она увидела на своей ладони тонкий чёрный след, как от ожога проволокой.

А за дверью раздался сдавленный вскрик.

Потом звук падения — тяжёлый и мягкий, глухой, как падает мешок с мукой.

Варвара застыла с поднятой рукой.

Тишина.

И в тишине — знакомый ровный голос, очень тихо, но так, что она услышала каждое слово, потому что он стоял прямо за дверью:

— Не открывай.

Варвара открыла.

Она потом объясняла это себе по-разному. Тем, что не привыкла, чтобы ей указывали. Тем, что за дверью остался человек, а Мара только что сказала: если в доме узнают, что ты Пустая, тебе не подадут воды, — и Варвара не собиралась уподобляться дому, который не подаёт воды.

Правда была проще. Она не умела сидеть в запертой комнате, когда за дверью что-то происходит. Никогда не умела.

Дверь, кстати, не была заперта. Вот что было странно, и это она тоже отметила потом, прокручивая всё в голове по кадрам.

Коридор был тёмный; масляные лампы горели только у лестницы, и в их свете на полу лежала Лин, молодая служанка, лицом вниз, раскинув руки. Рядом валялся кувшин, вода растеклась тёмным пятном, и в этом пятне отражалось пламя.

Варвара опустилась на колени, перевернула её. Дышит. Живая — просто без сознания, и на шее, у ключицы, у неё был ожог: тонкий, аккуратный, как от касания раскалённой спицей.

— Ладно, — прошептала Варвара. — Ладно.

Она подняла голову.

В конце коридора стоял человек.

Он не прятался. Стоял в плаще, и на плече был тот самый герб — птица с распахнутыми крыльями, чёрная по чёрному, и в темноте её можно было различить только по блеску нити. Лицо, шрам через губу.

— Ты не Аскеров, — сказал он.

— Что?

— Аскеровы ищут Пустую, чтобы продать. Я искал, чтобы проверить. — Он сделал шаг, и половицы не скрипнули, потому что здесь не было половиц, был камень. — Печать в твоей комнате снял я. Полчаса работы. Знаешь, зачем?

Варвара встала. Медленно, стараясь, чтобы колени не дрожали, — не получилось.

— Затем, что если ты умрёшь в круге, это будет убийство в чужом доме, и начнётся война, — сказал он. — А если ты выйдешь из круга сама и умрёшь в коридоре — это будет глупая девка, которая не послушалась и вышла ночью. Понимаешь разницу?

— Понимаю, — сказала она. — Вы очень старательно всё продумали.

— Я всегда старательно всё продумываю. — Он поднял руку. — Прости. Ничего личного.

И воздух снова начал сжиматься.

Только теперь он сжимался не вокруг неё — вокруг горла. Точечно, адресно, без всяких там «густой воздух». Варвара успела сделать один вдох, второй — уже не вдох, а всхлип, — и её подняло на носки.

Она не могла закричать. И, что хуже, не могла даже толком испугаться: в голове осталась одна очень ясная, очень обиженная мысль — не так, не здесь, не от него, я даже имени его не знаю.

Рука сама нырнула в карман.

Осколок раскалился так, что обжёг ладонь, и Варвара, задыхаясь, выбросила руку вперёд — не целясь, просто вперёд, в сторону человека со шрамом.

Заклинание не ударило в неё.

Оно свернулось. Будто на его пути открыли дверь, в которую оно и ушло, — а дверью был осколок в её руке.

Воздух вокруг горла стал обычным воздухом. Варвара рухнула на колени, хватая ртом, всхлипывая, и в ушах звенело так, что она не сразу услышала собственный кашель.

Человек со шрамом смотрел на неё с совершенно новым выражением.

— Так это правда, — сказал он тихо. — Ты правда берёшь.

И шагнул к ней.

Второй шаг он не сделал.

Тень. Варвара увидела это краем глаза и потом никогда не смогла забыть: тень от колонны, лежавшая на полу, отделилась от пола. Не метнулась — отделилась, как отделяется лист от ветки, — и встала между ними, и из неё вышел Кириан.

Он не бежал по коридору. Он просто был в конце коридора, а потом был здесь.

Что он сделал, Варвара не видела. Это было честно и быстро, и она потом была за это благодарна: она не видела — и ей не пришлось это носить.

Человек со шрамом вскрикнул один раз и осел на пол.

Стало тихо.

Кириан стоял над ним, и плащ на его плече разошёлся, и Варвара увидела на его руке, под перчаткой, чёрные линии. Такие же, как ожог на её ладони, только гуще и ветвистее; они ползли от кисти вверх и исчезали под рукавом, как корни под землёй.

Он дышал тяжело. Очень тяжело. И прятал руки — сначала одну, потом вторую, — за спину, как прячут то, что дрожит.

— В доме предатель, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Он снял печать с вашей двери и усыпил мою стражу.

— Он сказал… — Варвара сглотнула; горло болело, голос шёл как из ведра. — Он сказал, что специально. Чтобы я вышла сама. Чтобы это было не убийство, а…

— Глупость, — закончил Кириан. — Да. Умно.

Он обернулся.

И посмотрел на неё иначе, чем на галерее. Не как на находку и не как на проблему. Взгляд был внимательный, тяжёлый, и в нём было что-то ещё, чему она не нашла названия: так смотрят на то, чего боялись, когда оно наконец оказалось правдой.

— Он знал, что вы проснётесь сегодня, — сказал Кириан. — А я не говорил об этом никому. — Он помолчал ровно столько, сколько нужно, чтобы это осело. — Ни одному человеку в этом доме.

Варвара подняла голову.

— Значит, нас двое, — сказала она. — И оба мы теперь знаем, что вы не всесильны.

В первый раз за эту ночь Кириан посмотрел на неё так, будто она была не предметом, а человеком.

Потом протянул руку — в перчатке, осторожно, будто подавал что-то хрупкое, — и помог ей встать.

— Добро пожаловать в Аэрлин, — сказал он. — Здесь вас убьют не за то, что вы чужая.

Он отпустил её локоть и пошёл к лестнице. Его тень шла с ним ровно, шаг в шаг, и только у самого поворота чуть дёрнулась в сторону — будто принюхалась.

— А за что? — спросила Варвара в спину.

Кириан остановился.

— За то, что вы слишком похожи на нас, — сказал он.

И ушёл.

Варвара постояла в тёмном коридоре, среди воды, осколков и тишины, слушая, как выравнивается дыхание Лин. Потом подняла осколок зеркала к свету лампы.

В стекле уместилась половина лица: прилипшие к щеке тёмно-русые волосы, ссадина у брови, знакомая складка между бровями. На созвонах Варвара старалась её разгладить — получалось, будто она заранее недовольна собеседником. Сейчас хотя бы не нужно было притворяться.

Она отвела волосы за ухо. Прядь тут же упала обратно. Её лицо. Пока ещё её.

Отражение моргнуло вместе с ней.

Пока что, — подумала Варвара, и это была первая мысль за всю ночь, которая ей понравилась.

Глава вторая. Дом, в котором не подают воды

Варвара не спала.

Она просидела на полу, привалившись спиной к сундуку, всю ночь напролёт, и к утру у неё затекли ноги, а в голове осталась одна внятная мысль: в комнате без окон нет ни рассвета, ни ощущения времени, и от этого человек очень быстро начинает сомневаться, существует ли он вообще. Часы на телефоне показывали шесть двадцать. Здесь это не обязательно означало утро. Батарея — двадцать восемь процентов. Она записала это в заметки, аккуратно, как в отчёте, и потом ещё раз посмотрела на цифру, потому что запас жизни, отмеренный в процентах, был единственным, что она понимала в этом мире.

За дверью всю ночь ходили.

Не топали и не стучали — просто двигались, ровно и монотонно, как ходят по коридору, в котором нечего делать, но есть приказ. Ближе к пяти шаги стихли, зато появились голоса, тихие и деловые. Потом что-то тяжёлое протащили по камню, и на полпути остановились, и кто-то сказал: «Осторожно, у него лицо». А другой ответил: «У него уже нет лица».

Варвара встала, подошла к двери, приложила ладонь к доскам. Доски были холодные, и она отняла руку и больше к двери не подходила.

Когда её наконец повели вниз, в подвал, она уже знала, кого увидит, — и всё равно оказалась не готова.

В подвале пахло мокрой известью и ещё чем-то сладковатым, что Варвара опознала не сразу, а опознав, постаралась дышать ртом.

Ивейн лежал на длинном столе, накрытый до пояса грязной холстиной, и он был уже не человеком, а вещью, из которой вынули всё содержимое. Глаза открыты, зрачки расширены до края радужки, лицо гладкое — не умиротворённое, а именно гладкое, как лист бумаги, с которого стёрли текст, оставив вмятины от букв. Шрам через губу остался. Только он теперь ничего не значил: шрам — это память тела, а памяти не было.

Молодой лекарь возился у стола, засучив рукава до локтя, и на его запястьях были рыжие от крови полосы. Лет двадцать шесть, веснушки, упрямая складка между бровями.

— Не дышите через нос, — сказал он, не оборачиваясь. — Бесполезно. Уже всё, что могло, выветрилось.

— Это вы его? — спросила Варвара.

— Я. С утра. — Он вытер руки о полотенце и повернулся, и глаза у него были злые и красные, как у человека, который не спал и злится на весь мир равномерно. — Тэрн. Янтарная Кровь, если вам это что-то говорит. Пока не говорит — и хорошо.

Он разжал Ивейну челюсть деревянной лопаткой и показал ей что-то во рту, чего Варвара не поняла и не захотела понимать.

— Печать памяти, — сказал он. — Его не убили. Его опросили, а потом замкнули, чтобы он ничего не рассказал. Печать сработала изнутри, когда её попытались снять, и выжгла всё. — Он отпустил челюсть, и та закрылась с мягким стуком. — Он умер не от раны. Он умер потому, что в голове не осталось, чему жить.

Варвара смотрела на шрам через губу. Тот самый человек, который вчера держал её за горло и говорил «прости, ничего личного», — и внутри у неё не было ни торжества, ни даже облегчения. Была тошнота и очень злая, очень отчётливая мысль: кто-то не хотел, чтобы он заговорил, и этот кто-то был в доме раньше меня.

— Кто его допрашивал? — спросила она.

— Вот это правильный вопрос, — сказал Тэрн. — И знаете, что смешно? Допрашивать должен был канцлер. Вейн. Он единственный, кто умеет это делать без крови.

— И?

— И его не позвали. — Тэрн сложил лопатку в сумку, затянул ремешок. — Всё, госпожа Пустая, идите отсюда. Мне тут ещё работать, а вам тут делать нечего.

— Не называйте меня так.

Он посмотрел на неё — долго, без всякой симпатии, но и без злобы, как смотрят на инструмент, который может оказаться полезным.

— Как прикажете, — сказал он. — Только это не я вас так назвал. Это уже весь дом.

Дом при свете дня оказался хуже, чем ночью.

Ночью он был страшным и таинственным, а страшное и таинственное — это, в общем-то, жанр, к которому Варвара была морально готова. Днём он оказался просто старым и бедным.

Двор был вымощен камнем в заплатах, и в двух местах заплаты разошлись так, что между плитами проросла трава. Конюшня стояла на двадцать стойл, и в четырёх из них были лошади, а остальные шестнадцать были вычищены, застелены свежей соломой и пусты — как будто хозяева всё ещё ждали гостей, которых уже не будет. Черепица на западной башне была латана разными оттенками, и Варвара, глядя на неё, почему-то подумала про свой ноутбук с треснувшим корпусом, который она два года собиралась заменить и не заменила.

А окна нижнего этажа были заложены кирпичом.

Не заколочены досками — заложены, ровной аккуратной кладкой, и кладка была старой, успевшей потемнеть и зарасти мхом. В трёх местах кирпич выпал, и в дырах виднелись крепкие железные решётки. Кто-то когда-то заделал эти окна наспех и потом сто лет не возвращался.

И при всём этом — серебро на столах, свежий хлеб, вышколенная прислуга, которая ходила по двору быстрым, бесшумным шагом, как ходят люди, привыкшие, что за медлительность здесь платят.

Дом держал лицо. Дом держал лицо с той тщательностью, с какой держат его люди, у которых больше ничего не осталось.

Варвара считала: три башни, одна без крыши. Четыре окна заложены. Сад за домом — запущенный, с прудом, в котором плавала зелёная вода, и у пруда — детские качели.

Качели были сломаны. Одна доска оторвалась и лежала в траве, цепь заросла вьюном, а столбы вросли в землю так, что было видно: их не чинили очень давно и очень сознательно. Каждую осень кто-то мог бы их поправить. Никто не поправил.

И ещё одна деталь, которую она заметила не сразу, а потом уже не могла перестать замечать: у всех слуг на левом плече была чёрная лента.

Не парадная — выцветшая до серого, потрёпанная по краям, выстиранная столько раз, что местами пошла катышками. Такую ленту не надевают на похороны. Такую носят годами, не снимая, пока она не станет частью одежды.

Оберон ждал её в оранжерее.

Это была не оранжерея в смысле стеклянных стен и тропических растений, а длинная зала с высоким сводом, в которой росли упрямые, некрасивые, очень старые растения в кадках: лимонное дерево, увитое проволокой, чтобы не заваливалось, два фикуса, помнящие, вероятно, отца нынешнего лорда, и виноград, который давно перестал плодоносить, но ещё держался за решётку.

Здесь было тепло. Здесь пахло землёй. Варвара вдохнула и с удивлением поняла, что впервые за двое суток ей не хочется отсюда уйти.

Оберон стоял у окна — настоящего окна, единственного в этой части дома, — и держал в руках лейку.

Ему было под пятьдесят, и он был красив той усталой, ухоженной красотой, которая стоит дорого и держится на трёх часах сна. Седые виски, аккуратная борода, тёмный камзол без единого украшения, кроме одного перстня. Плечи у него были широкие, как у Кириана, но двигался он свободно, без той короткой задержки перед каждым поворотом. На манжете тем-

нело пятно земли. Он обернулся, и лицо его осветилось так искренне, что Варвара на секунду даже поверила.

— Госпожа Соколова. Наконец-то. Садитесь, ради всего святого, вы выглядите так, будто всю ночь простояли.

— Я всю ночь просидела.

— Это хуже, — согласился он и налил ей чаю раньше, чем она успела сказать, что не хочет.

Она села в плетёное кресло. Он остался стоять, прислонившись к подоконнику, — и весь разговор она смотрела на него снизу вверх, хотя формально была гостьей, а он хозяином, который перед ней оправдывается.

— Я не буду вас мучить придворными танцами, — сказал Оберон. — Вы человек со стороны, и это, честно говоря, лучшее, что случилось с этим домом за пять лет. Мне не с кем говорить прямо. — Он улыбнулся. — Поэтому скажу прямо. Вы в опасности.

— Я это заметила.

— Не в той, о которой вы думаете. — Он поставил чашку на подоконник. — За вами придут три Дома. Грозовой Круг уже прислал запрос, и запрос этот составлен так, что отказать будет трудно. Чёрное Крыло не пришлёт ничего — они приходят молча. А Медные Колокола, — он чуть поморщился, как от зубной боли, — приедут не за вами, а за печатями, и это хуже всего, потому что они приедут, когда захотят, и их нельзя будет выставить.

— И вы хотите меня защитить.

— Я хочу, чтобы этот дом дожил до весны, — сказал он просто. — У меня триста сорок человек, включая детей и стариков, и запасов до конца зимы не хватает примерно на месяц. Мой гарнизон — это сорок два человека, из которых двадцать старше пятидесяти. Мой племянник, — он произнёс это без всякой злобы, скорее с усталой нежностью, — благороден, и это прекрасное качество для рыцарских романов и катастрофическое для человека, который отвечает за триста сорок ртов.

Варвара держала чашку и чувствовала, как пальцы нагреваются через фарфор.

— Вы мне сейчас объясняете, почему меня надо продать.

— Я вам объясняю, почему я не могу обещать, что не продам, — сказал Оберон, и на секунду в его голосе не осталось ни капли обаяния, только ровная, холодная честность. — И добавлю ещё одно, потому что вы заслуживаете знать. Вчера ночью Кириан вытащил вас из коридора. Он сделал это тенью, а тень стоит дорого. — Он помолчал ровно настолько, чтобы пауза сработала. — Сегодня он не встал. Он не ранен. Он просто не может держать себя вертикально, и к обеду, боюсь, ему станет хуже.

Варвара поставила чашку. Руки не дрожали, и она была этим почти горда.

— Вы говорите это так, будто это моя вина.

— Я говорю это так, как есть, — сказал Оберон мягко. — Вы спаслись. За это уже выставлен счёт. Так здесь устроено всё, госпожа Соколова: не только у нас. — Он подошёл и, к её удивлению, присел на корточки, чтобы смотреть ей в глаза на одном уровне. — Вы думаете, что мы делим власть. Мы делим не власть. Мы делим людей. Каждую зиму кто-то решает, кто умрёт, чтобы остальные дожили до весны. Просто у нас это называют Договором.

Они смотрели друг на друга, и в оранжерее было очень тихо, и где-то капала вода в поддон под кадкой.

— Покажите руку, — сказал он вдруг.

Варвара не сразу поняла, о чём он.

— У вас обожжена ладонь. Я вижу, как вы держите чашку. — Он кивнул на её левую руку. — Покажите. Я не лекарь, но я тридцать лет смотрю на ожоги от печатей.

Она не показала.

Оберон выпрямился, и это его ни капли не смутило. Он улыбнулся — тепло, по-настоящему, и от этой улыбки стало хуже, чем от любой угрозы, потому что угроза была бы честнее.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я скажу так. Что бы вы ни нашли в этом доме и о чём бы ни догадались, — приходите ко мне. Не к племяннику. Он будет защищать вас из чувства долга, а я буду защищать из расчёта, и это, поверьте моему опыту, надёжнее.

Вечером она поднялась по лестнице и встретила Мару.

Та несла поднос — миску с чем-то горячим, кувшин, ломоть хлеба, — и несла его в западное крыло, куда, судя по всему, никто не ходил, кроме неё.

Варвара посторонилась и спросила первое, что пришло в голову:

— Кто умер?

Мара остановилась.

— Что вы сказали?

— Ленты. — Варвара кивнула на её плечо. — Они выцвели. Их носят годами. По кому?

Мара долго молчала, и поднос в её руках не дрогнул ни разу, потому что она была из тех людей, у которых руки держат крепче, чем лицо.

— По младшей дочери, — сказала она наконец.

— Как её звали?

И вот тогда Мара посмотрела на неё так, что Варвара пожалела о вопросе.

— Не надо вам знать, госпожа. — Голос был ровный и очень тихий. — Имена тут дорого стоят. — Она подняла поднос повыше и добавила, уже уходя: — Особенно имена мёртвых. Особенно в доме, где живёт проклятие.

— Что это значит?

— Это значит, что тот, кто знает истинное имя, имеет власть над тем, кто его носит, — сказала Мара, не оборачиваясь. — А звать мёртвого по имени — это как стучать в дверь, которую заперли с той стороны. — Она сделала ещё три шага. — Я вам этого не говорила.

И ушла в западное крыло, и дверь за ней закрылась так мягко, что было слышно, как в замке повернулся язычок.

Варвара постояла на лестнице.

Потом — потому что она никогда в жизни не умела оставлять вопрос открытым, а любопытство у неё всегда было сильнее осторожности, и это уже один раз стоило ей брата, — пошла за ней.

Она не пошла вслед за Марой. Она подождала в коридоре, пока дверь западного крыла не открылась снова, и Мара не вышла оттуда пустой, и не спустилась по лестнице, и не скрылась на кухне.

А потом Варвара вошла.

Западное крыло было холоднее остального дома, и не потому, что там не топили, а потому, что там топили очень экономно: печь стояла одна на пять комнат, и жар от неё доставался только ближайшей. В коридоре пахло лекарствами — горькой корой, спиртом, чем-то землистым, — и под этим запахом, если очень постараться, можно было различить другой, тот самый, который она почувствовала в подвале и постаралась забыть.

Кашель она услышала раньше, чем дошла до двери.

Влажный, глубокий, идущий откуда-то из глубины тела, и в конце — пауза. Долгая. Такая долгая, что Варвара остановилась и не дышала вместе с ним.

Потом человек вдохнул, и она выдохнула тоже.

Дверь была приоткрыта на ладонь. Варвара заглянула.

Комната была затянута тканью. Окна — тёмной, тяжёлой; зеркала — белой, в несколько слоёв; картины на стенах были задёрнуты, и один край покрывала отогнулся, и в щели виднелся кусок пейзажа, море и лодка. В комнате было душно от сухого жара, и на столике горела одна свеча, и под свечой лежала книга, открытая, но никто её не читал.

В кровати лежал человек.

Он был очень худ, и его лицо было спокойным и гладким — не пустым, как лицо Ивейна, а просто далёким, как лицо спящего, который уже давно не здесь. А из его груди выходили чёрные линии.

Варвара сначала приняла их за трещины. Потом — за рисунок на одеяле. Только на третьем взгляде она поняла, что это: чёрные, ветвистые, они лежали прямо на коже, выходили из-под ключиц и ползли по шее вверх, заворачивали за ухо и терялись в волосах. Как корни. Как трещины в камне, по которым однажды пойдёт вода. И в такт кашлю они чуть пульсировали — не расширялись и не сужались, а будто переливались, как будто по ним что-то текло, и текло не туда, куда должно.

Кириан сидел у постели.

Он был без плаща, в одной рубашке, рукава закатаны до локтя. И Варвара впервые увидела его линии целиком.

Они начинались у кисти — густо, чёрной сеткой, как обожжённая кожа, — и поднимались вверх, к локтю, и выше, исчезая под рукавом. У запястья они были плотные, почти сплошные; у локтя — тоньше, разрозненнее, как река, распадающаяся на рукава.

Он не обернулся.

— Вон, — сказал он ровно, без злобы. Так выключают свет.

Варвара не ушла.

Она сделала то, что делала всю жизнь в больницах, где провела в общей сложности, наверное, год своей жизни: вошла, взяла второй стул, стоявший у стены, поставила его в двух шагах от его стула — не рядом, но и не далеко — и села.

И стала молчать.

Это единственное, что она умела делать с чужим горем. Не утешать, не искать слова, не рассказывать про то, как ей тяжело. Просто сидеть рядом и не мешать, и дать человеку право молчать в свою очередь.

Кириан не сказал ни слова.

Он смотрел на отца, и лицо у него было совершенно неподвижное, и Варвара в какой-то момент поймала себя на том, что смотрит не на кровать, а на него, и что это, наверное, неприлично, но отвести взгляд было выше её сил.

Старик закашлялся снова. Мара, стоявшая в дверях, шагнула было вперёд, но Кириан уже поднял руку — коротко, без раздражения, — и она остановилась, и он сам приподнял отца, и поправил подушку, и поднёс к его губам чашку, и всё это медленно, очень аккуратно, и было видно, что он делал это тысячи раз и что руки у него при этом дрожат.

Потом старик снова лёг, и они вернулись к молчанию.

Вода капала из таза. Где-то далеко в доме хлопнула дверь. Затянутое тканью окно светлело серым — и по этому серому было видно, что за ним идёт дождь.

— Он кашляет пять лет, — сказал вдруг Кириан.

Варвара не пошевелилась.

— Каждую ночь. Каждую ночь я слышу это через две стены и прихожу. И каждую ночь, — он говорил ровно, глядя на отца, без всякого выражения, и от этой ровности у Вары заныло под рёбрами, — я думаю: сегодня. Сегодня последний раз. И каждое утро он ещё здесь, и я стою и не знаю, благодарить за это или просить прощения.

— За что прощения? — спросила Варвара.

— За то, что не могу решить, чего хочу больше, — сказал он.

И вот тогда он посмотрел на неё. Впервые за весь вечер. И в этом взгляде было столько всего, что она отвела глаза — первая, не он.

— Что случилось? — спросила она тихо.

— Ритуал, — сказал Кириан.

И больше ничего.

Мара ждала её в коридоре и была злая так, что даже руки тряслись.

— Я же сказала вам не ходить.

— Вы сказали не спрашивать. Я не спрашивала.

— Вы вошли.

— Он меня не выгнал.

Мара посмотрела на неё, и в этом взгляде было отчаяние человека, который всю жизнь держит на плечах чужую тайну и внезапно чувствует, что она стала слишком тяжёлой.

Она взяла Вару за локоть и утащила в свою каморку — маленькую, чистую, с сундуком, иконой и запахом сушёных трав. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной.

— Пять лет назад род начал вымирать, — сказала она. — Сперва у тётушки пропала магия. Потом у кузена. Они не болели — они просто перестали... — она поискала слово, — хотели. Сначала перестали колдовать, потом перестали хотеть, потом перестали дышать. Чума. Так это называют. И это не болезнь, госпожа. Это выгорание. Это когда магия в роду кончается, как вода в колодце, и вместе с ней кончается всё остальное.

Варвара села на сундук, потому что ноги снова перестали её держать.

— И тогда?

— Тогда он был младшим сыном, — сказала Мара. — Он не должен был становиться наследником. Он должен был жить спокойно, жениться, растить детей где-нибудь в тёплом краю, подальше от этого дома. — Она вытерла рот тыльной стороной ладони. — Он провёл запретный ритуал. Ему сказали, что нельзя. Ему сказали, что цена будет страшная. Он сделал.

— И?

— И остановил вымирание. — Мара помолчала. — И в круге погибла его сестра. А отец лёг и не встал. — Она посмотрела на Вару, и глаза у неё были сухие. — Он спас Дом, госпожа. И Дом ему этого не простил.

Варвара сидела очень тихо.

— Как её звали?

— Не спрашивайте.

— Мара.

— Не спрашивайте! — почти крикнула та и тут же осеклась, прижала ладонь ко рту, прислушалась к коридору. Потом сказала, уже шёпотом, глядя в сторону: — Её звали Ириэль. И больше вы от меня этого имени не услышите, и сами не произносите. Никогда. Особенно в этом доме.

— Почему?

Мара подошла к ней вплотную.

— Потому что проклятие — это не кара, — сказала она. — Это дверь. Она где-то есть, эта дверь, и она в этом доме, и её держат закрытой. А имя — это ручка.

Варвара вышла из каморки и долго стояла в тёмном коридоре, глядя на выцветшие чёрные ленты на плечах проходящих слуг.

Всё сходилось: качели в саду, вросшие в землю. Ленты, которые никто не снимает. Имя, которое нельзя произносить. Дом, который не подаёт воды.

К своей двери она вернулась уже ночью, усталая до звона в ушах, и дверь оказалась заперта.

Не на замок — замок остался неиспользованным, язычок был открыт. На печать: тонкая светящаяся линия шла по косяку, заворачивала за угол, и Варвара узнала её сразу, узнала пальцами раньше, чем глазами, потому что рука помнила, как это жжётся.

— Эй, — сказала она стражнику. — Откройте.

Стражник был молодой, с обветренным лицом и очень несчастными глазами.

— Не могу, госпожа.

— Это моя комната.

— Приказ лорда-регента. — Он смотрел в сторону. — Для вашей безопасности.

— Для моей безопасности, — повторила Варвара.

Она прижала ладонь к двери и почувствовала, как печать отозвалась — тёплым уколом, не болью, но и не лаской. Она знала, что может её снять. Она знала это так же уверенно, как знала, что у неё хватит силы поднять стул: не потому, что пробовала, а потому, что чувствовала вес.

И не стала.

Не из благородства. Из очень холодного, очень расчётливого здравого смысла: если она вскроет печать регента и об этом узнают, её в ту же ночь перестанут считать гостьей и начнут считать угрозой, а угрозы в этом доме, как она уже поняла, не отправляют домой.

Она села на пол у двери, спиной к стене, вытянула ноги.

Стражник топтался рядом.

— Госпожа, вы бы...

— Я бы — да, — сказала Варвара. — Я бы пошла в комнату, если бы её открыли.

Он помолчал, потом снял с себя плащ — грубый, солдатский, пахнущий лошадьми и дымом, — и молча положил рядом с ней.

Варвара посмотрела на плащ. Потом на него.

— Спасибо.

— Не за что, — сказал он и отошёл на свой пост, и было видно, что он страшно рад, что хоть что-то может сделать.

Варвара сидела в коридоре, кутаясь в чужой плащ, и смотрела, как светится печать на её двери — ровно, спокойно, как ночник.

Между двумя братьями, подумала она, разница только в том, что один запирает её из расчёта, а второй — из страха, что она выйдет и увидит слишком много.

И то и другое, в общем-то, было про одно и то же: про них двоих, и ни капли про неё.

Она достала телефон, посмотрела на двадцать три процента батареи и выключила экран, чтобы не тратить. Потом достала осколок зеркала.

Осколок был холодный. В нём отражался коридор, печать на двери и её собственное лицо — усталое, злое, с размазанной тушью.

Она смотрела на него довольно долго.

— Ладно, — сказала она наконец, вслух, тихо, только для себя. — Если меня тут всё равно запрут, то я хотя бы выясню, кто именно.

Она закрыла глаза и стала перебирать в голове всё, что знала: четыре герба, два имени, один шрам через губу, один мёртвый допрос, одного лорда, который делит людей, и одного лорда, который пять лет слушает кашель.

Получалось мало. Но это было уже больше, чем вчера, и это была её собственная работа, а не чья-то милость.

Впервые за три ночи Варвара Соколова заснула не потому, что вырубилась, а потому, что решила, что завтра будет действовать.

Печать на двери светилась ровно, как ночник, и в этом свете чёрная лента на плече проходящей служанки была отчётливо видна.

Выцветшая до серого. Выстиранная до катышков.

Носимая уже очень давно.

Глава третья. Имена вещей

Бунтовать Варвара не стала.

Бунт хорош, когда есть зритель: в нём есть смысл, пока кто-то смотрит и делает выводы. Здесь зрителей не было. Печать на двери светилась ровно и спокойно, стражник за дверью менялся каждые четыре часа, и все четверо одинаково смотрели в сторону, когда она с ними заговаривала. К четвёртому дню она поймала себя на том, что перестала здороваться, — и это испугало её сильнее, чем молчание караула.

Утром четвёртого дня Варвара попросила книг. Если ей оставили только голову, стоило чем-нибудь её занять.

Оберон, услышав просьбу, обрадовался так искренне, что стало противно. Запертая Пустая, читающая сказки, — идеальная Пустая: безопасная, занятая, тихая. Через час в комнату внесли три ящика — генеалогии Домов, тоненький трактат о печатях и учебник «Начала истинных имён», судя по обложке, для детей лет девяти.

Учебник она открыла последним.

И через сорок минут поняла, что держит в руках не сказки, а документацию.

Язык печатей оказался формальным. У него был синтаксис — обязательный порядок элементов, который нельзя нарушить, не получив вместо заклинания бессмысленный набор знаков. Были запрещённые сочетания, которые не читались вообще: как скобка, открытая дважды, они ломали всю конструкцию. Были формы, работавшие только при определённых условиях — при живой крови, при свидетеле, при имени, названном вслух и без запинки. Отдельная глава называлась «Об ошибках новичков» и объясняла, что печать, наложенная на вещь без её согласия, держится не дольше луны, потому что вещь, если её не спросили, «не принимает утверждения».

Варвара читала и ловила себя на том, что улыбается.

Магия была кодом. Очень старым, очень строгим кодом с линтером, который не прощает ни одной лишней запятой и не делает скидок на красоту. И, как любой код, она была написана людьми — со всеми их привычками, ленью и любовью к сокращениям, которые через двести лет никто уже не помнит.

Впервые за всё это время ей стало не страшно, а интересно. И это, как она честно призналась себе позже, испугало её сильнее, чем погоня в зале.

Она просидела над книгами до темноты, исписав поля и обложку, потому что бумаги ей не дали, а просить было унизительно. К ночи у неё была таблица: что печать может, чего не может, чем ставится и чем снимается.

Последний столбец оказался почти пустым.

В учебнике для девятилетних детей об этом говорилось ровно одна фраза, набранная мелко, как сноска, которую наборщик явно хотел потерять: «Отменить печать может лишь тот, кто знает её истинное имя».

Варвара отложила книгу и посмотрела на свечу.

Она выбрала самое малое, что было в комнате.

Не из осторожности — из методичности. Начинать надо было с unit-теста, а не с продакшена, и она сто раз за свою жизнь видела, что бывает с теми, кто лезет сразу в главный модуль.

На блюдце под огарком была печать: три знака, удерживавшие пламя ровным. Варвара срисовала их на оборот пустого листа. В книге такой узор разбирали на примере очага; здесь он был сокращён до трёх петель.

Первый раз не вышло ничего. Тогда она мысленно разомкнула среднюю петлю, решив, что та относится к пламени. Воск потёк через край блюдца. Капля упала на большой палец. Варвара отдёрнула руку и опрокинула свечу; огонь лизнул оставленный лист.

Она накрыла его чашкой. Под керамикой хрустела бумага. Когда дым перестал идти, Варвара поставила свечу обратно и зачеркнула схему.

Средняя петля держала не пламя. Подставку. Она полезла менять то, чего ещё не прочла до конца.

Следующая попытка дала только рябь в глазах и тошноту. Варвара отложила огарок, выпила воды и вернулась к рисунку. Наконец она увидела не целые вещи, а связи: слово, удерживающее пламя, другое — сохраняющее форму воска. Над собственной ладонью проступило что-то похожее на ярлык. Читать его она не стала.

Она не произнесла это вслух. Она выдохнула.

Сначала погасли три знака на блюдце. Пламя дёрнулось, перестав подчиняться печати. Огарок накренился; жидкий воск потёк на столик. Варвара успела задуть огонь.

Воск и фитиль остались. Исчезло только то, что их держало. Она это проверила пальцем — и тут же пожалела.

А ладонь обожгло.

Варвара разжала пальцы. От основания большого пальца к мизинцу лежал тонкий чёрный след — как от раскалённой проволоки, только без волдыря, без красноты, без ничего, что полагается ожогу. Просто чёрная линия, будто кто-то очень аккуратно нарисовал её тушью.

Варвара опустила руку в остывшую воду. Обычный ожог на большом пальце защипал, но чёрная линия не изменилась. Она потёрла её мокрым полотенцем — без результата.

Под обгоревшим краем листа дописала: «Снимается. След остаётся». Потом обвела второе слово.

Потом встала и постучала в дверь.

— Мне нужен лекарь.

— Госпожа, ночь.

— Скажите регенту, что у меня ожог, — сказала Варвара ровно. — И что, если он загноится, лорду-регенту придётся объяснять Совету, почему его гостья умерла от гангрены. Он очень не любит объяснять Совету.

Сработало быстрее, чем она рассчитывала.

Тэрн вошёл через четверть часа, заспанный, злой, с сумкой на плече, и с порога сказал:

— Ну.

Она показала ладонь.

Он поставил сумку на пол, взял её руку, повернул к свету — и лицо у него изменилось. От злого к внимательному, от внимательного к осторожному, как у человека, который увидел на дороге змею и не хочет показывать, что испугался.

— Давно?

— Полчаса.

— Болит?

— Нет.

— Это хуже, — сказал Тэрн и сел на стул напротив, не выпуская её руки. — Слушайте внимательно, госпожа, потому что я скажу это один раз, а повторять не буду и записывать не стану. Пустые не колдуют. Они отменяют.

— Я это уже поняла.

— Тогда поймите до конца. Вы не создаёте огонь — вы отменяете свечу. И когда вы что-то отменяете, магия, которая в этом была, не исчезает. Она не рассеивается, как дым. — Он постучал ногтем по её ладони, рядом с чёрной линией. — Она идёт в вас. Вот сюда. И остаётся.

Варвара посмотрела на линию.

— Навсегда?

— Не знаю. В трактатах сказано: накапливается. — Он отпустил её руку и вытер ладони о штаны, будто его это пачкало. — У меня не было практики. Последнюю Пустую видели за

сто лет до моего рождения, а те, кто видел, писали так, чтобы их потом не спросили, почему они так много знают.

— И что будет, когда накопится?

Тэрн встал и забросил сумку на плечо.

— Тогда, госпожа, вам лучше быть очень далеко от нас.

Он был уже у двери, когда она спросила:

— Тэрн. Почему вы мне это рассказываете? Вам ведь за это тоже не заплатят.

Он обернулся.

— Потому что у меня в этом доме двенадцать человек на попечении и один из них ребёнок, — сказал он. — И потому что я не хочу однажды утром обнаружить, что вы лопнули, как мешок с зерном, и что мне пришлось это разгребать.

Дверь закрылась.

Варвара осталась сидеть, глядя на воск, растёкшийся по столику. Всё в её жизни с этого вечера сводилось к одной задаче, очень знакомой, очень простой и очень неприятной: у меня есть буфер, он ограничен, и я не знаю его размера. А значит, каждый вызов может оказаться последним — и об этом никто не предупредит, кроме тонкой чёрной линии на ладони.

Она легла, не раздеваясь, и заснула с этой мыслью, и ей снились таблицы.

Кириан пришёл на третий день, ближе к вечеру.

Он снял печать одним движением — провёл рукой, и линия погасла, как выключенный свет, — но в комнату не вошёл. Остался в коридоре, опершись плечом о косяк, и Варвара, увидев его, впервые поняла, что значит выражение «не может держать себя вертикально». Он держался. Но это ему стоило усилий, и по тому, как неестественно ровно он стоял, было видно, сколько.

— Вам дали книги, — сказал он. — Я пришёл проверить, не нашли ли вы в них бомбу.

— Нашли, — сказала Варвара.

Что-то дрогнуло в его лице.

— Правда?

— Учебник для девятилетних детей. — Она подняла «Начала истинных имён» и помахала им в воздухе. — Последняя страница, сноска мелким шрифтом: печать отменяется знанием истинного имени. Половина книги объясняет, как имена защищать. Как хранить, как прятать, как никому не называть своего. — Она помолчала. — А ни одной главы о том, как быть тому, кто видит имена чужих вещей без всякой защиты. Их просто нет. Как будто таких, как я, не существует.

— Существует, — сказал Кириан. — Просто учебники пишут победители.

— Или те, кто боится. — Варвара закрыла книгу. — Меня в этой книге нет ни в оглавлении, ни в предметном указателе. Меня вычеркнули из детского учебника. Это, знаете ли, довольно много говорит о том, как тут относятся к моей профессии.

Он смотрел на неё довольно долго, и в этом взгляде было что-то новое — не раздражение, не усталость, а очень внимательное, почти жадное любопытство человека, который много лет читал один и тот же текст и вдруг обнаружил в нём чужую пометку на полях.

— Что вы нашли ещё? — спросил он.

— Печать — это не приказ вещам, — сказала Варвара. — Это утверждение о них. «Ты камень, и ты держишь». «Ты болен, и болезнь в тебе». «Ты вещь, и тебя держат». Утверждение можно снять только тем, что его опровергнет — не силой, не другой печатью, а именно знанием, что вот это — неправда.

— И?

— И значит, Пустая — не дыра, в которую всё проваливается. — Она подумала секунду и добавила, потому что мысль была её собственная и ей нравилась: — Пустая — это судья. Я не отменяю магию. Я пересматриваю дело.

Кириан молчал так долго, что за окном успел измениться цвет неба.

— Вы понимаете, что вы сейчас сказали? — спросил он наконец.

— Что я опасна.

— Что вы суд. — Он оттолкнулся от косяка и выпрямился, и это движение далось ему нелегко. — Двести лет этот мир держится на том, что каждое утверждение имеет одну форму и её нельзя оспорить. Дома, печати, договоры, браки, долги — всё стоит на том, что сказанное однажды сказано навсегда. На этом стоит Договор. На этом стоит всё, ради чего мой дед убил своего брата и назвал это законом. — Он показал на неё рукой, коротко, в перчатке. — А вы можете пересмотреть любое дело. Любое. И вы даже не понимаете, насколько это страшно.

— Понимаю, — сказала Варвара. — Я поэтому и сижу в комнате без окон.

Он усмехнулся — одним углом рта, коротко и нехорошо.

— Вы сидите в комнате без окон не поэтому, — сказал он. — Вы сидите в ней потому, что мой дядя считает, что человек, который может пересмотреть любое дело, должен сидеть там, где его видно.

— А вы что считаете?

— Я считаю, — сказал Кириан, — что вам нужно как можно быстрее научиться тому, чего нет в учебнике для девятилетних детей. Потому что в этом доме вас будут проверять. Не сегодня и не завтра, но будут. И когда проверят, вам понадобится не устав.

Варвара встала со стула, подошла к двери — не переступая порог, потому что было в этом что-то от их первого разговора, от той ночи на галерее, — и остановилась в шаге от него.

— Спросите меня, — сказала она.

— Что?

— Вы сами предложили. На галерее, в первую ночь, вы сказали: «Спросите меня завтра, почему я не могу вас отпустить». И потом на лестнице сказали ещё раз: «Потому что сейчас вы мне поверите, а я не хочу, чтобы вы мне верили». — Она смотрела ему прямо в лицо. — Я спрашиваю. Сейчас.

Он не отвёл глаз.

— Потому что вы — ключ, — сказал он. — И я не знаю, от чего.

— Это не ответ.

— Это лучший, который у меня есть, — сказал Кириан. — Я знаю, что дверь, через которую вы пришли, открывали не снаружи мира и не изнутри. Я знаю, что она открылась в моём доме. — Он помолчал. — И я знаю, что тот, кто её открыл, знал, куда её открывать. Значит, он знал мой дом лучше, чем я.

— И вы хотите меня отпустить?

— Я хочу, чтобы вы ушли, — сказал он. — И знаю, что если вы уйдёте, я не смогу вас защитить. — Он чуть наклонил голову. — А если оставлю, буду защищать то, чего не понимаю, — и это, госпожа Соколова, худшее из всего, что бывает с человеком.

Варвара стояла очень близко и слышала, как он дышит — неровно, с усилием, как дышат люди, у которых болит всё сразу.

— Кто снимает печать с моей двери по утрам? — спросила она.

Он посмотрел на неё остро.

— Что?

— По утрам она открыта. Не снята — разомкнута, на час, между сменой стражи. Стражник говорит: «Приказ». Я спрашивала, чей приказ. Он говорит: «Не могу знать». — Варвара помолчала. — Я сижу в комнате без окон и не могу выйти. Но кто-то может войти. И этот кто-то имеет право приказывать страже.

Кириан молчал.

— Печать ставил ваш дядя, — сказала она. — А размыкал кто?

— Не я, — сказал он тихо. — И я узнаю, кто.

— Почему вы не знали раньше?

— Потому что я пять дней не мог встать, — сказал он, и в голосе его не было ни капли жалости к себе, только очень сухая ярость. Затем, помолчав: — Держите дверь закрытой на ночь. Не открывайте никому. Даже мне.

— Особенно вам, — согласилась Варвара.

Он наконец улыбнулся — по-настоящему, коротко, и сразу же посерьёзнел.

А потом поднял руку и очень осторожно, не касаясь, провёл кончиками пальцев в перчатке по воздуху в сантиметре от её щеки — так близко, что она почувствовала движение воздуха, но не кожу.

— Не подходите к зеркалам, — сказал он вдруг.

— Что?

— В этом доме много зеркал. — Он опустил руку. — И не все из них показывают то, что есть.

Он ушёл, и печать за ним затянулась сама, как вода над брошенным камнем.

Варвара постояла у двери ещё минуту, глядя на светящуюся линию, и только потом поняла, что он так и не спросил, откуда она знает про разомкнутую печать по утрам.

Она тоже не знала. Она просто чувствовала — так, как чувствуют, что закрытая дверь за спиной слишком долго не открывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.